

Меня зовут Кофе

Жизнь обычного кафе — это бесконечная череда чашек с кофе и тарелок с пирожными, между ними лавируют официанты, а люди только пьют, едят и говорят, говорят, говорят. За каждым столиком свой маленький мир, а кофе вроде настольной игры, со своими пешками и королевами. В этой нескончаемой беседе очень трудно разобрать, кто есть кто, особенно если ты и есть тот самый кофе, а размеры твоего кафе можно измерить только масштабами земного шара, который ежедневно умывается двумя миллиардами чашек кофе. Встречи, свидания, разговоры в атмосфере свежемолотого кофе, как глоток свободы, которой так не хватает человеку в обычной жизни. Обычная жизнь — этот тот самый плен, который уготован любому. Я знаю. Я наблюдаю за этим с самого начала. Я родился и пахал на плантации до последнего клиента и никогда не сидел на месте, я всегда поднимал всем настроение, придавал бодрости и жизненных сил, по-

этому близкие называют меня по-разному: кто кофе, кто ласково кофеек, кто романтично капучино, кто деловито эспрессо, кто демократично американо.

...Кофе меня прозвали еще в детстве, за неповторимый вкус к жизни. Вот уже много лет я ухаживаю за одной девушкой. Ее зовут чашка. Она родом из фарфора. Мы не разлей вода. Я ценю эту любовь, кроме того, я умею дружить. Когда у нее хорошее настроение, она обязательно скажет: «Знаешь, за что я тебя люблю? Ты — не растворимый, в отличие от многих». Для женщины очень важно, чтобы рядом был не только муж, любовник, поклонник, но главное — друг! У меня была хорошая школа. На кого я только в жизни не учился и кем только в жизни не был! Моя история — это цепь событий, которые происходят с людьми каждый божий день. Порою эта цепь поскрипывает от обстоятельств, кому-то не хватает внимания, кому-то любви, кому-то элементарно — денег. Что я мог подарить этим людям, кроме своей веры в общение. Общение — это то, что делает всех людьми. Общение — это первая ступень благотворительности. Как же это приятно — творить благо. Если бы люди только знали. Жаль, что знают не все, не все умеют, а многие хотели бы, но так и не научились. В мире полно людей жад-

ных, злых и трусливых, несмотря на свое образование. Им не повезло, наверное, у них были никудышные педагоги или хреновые родители, не суть, я их все равно выслушаю. В конце концов, не могут же все быть хорошими. Будь все хорошими, то и кофе никогда бы не остывал.

Когда пашешь изо дня в день, конечно же, случаются моменты, когда ты хочешь сказать: «пошли все к черту» – и отвалить. Но я предпочитаю разделять: «пошли к черту все, кто меня не любит» — и остаться. Пусть отваливают все лишние.

Меня стали узнавать достаточно рано – вслед за шоколадом. Его открыли вместе с Америкой, я появился чуть позже с венецианскими купцами. Шоколад был молод, смугл и красив, он легко мог поддерживать любую беседу. Мне всегда нравилось вести с ним разговоры ни о чем, он был горяч в самые холодные чашки жизни. Шоколад — это тот самый друг, который никогда не предаст. Я убеждался в этом не раз. Помню, как-то после работы мы вышли на улицу и остановились поболтать. В этот момент неизвестно откуда прямо на голову свалились копы. Нас повалили на землю лицом вниз, позже выяснилось, что некто обратился в полицию и доложил, что видел на улице

чернокожих парней с эндорфином в руках. Понятное дело, страшно, ночью, кофе и шоколад, совсем другое дело, если виски и сигареты, это еще можно объяснить, человек устал, он с работы, он хочет расслабиться. А от этой смуглой парочки можно было ожидать чего угодно, не все же знают, что у нас всегда были только благие намерения. Нас обыскали, понятное дело, пушек, наркотиков и прочего запрещенного у нас не нашли, но прежде чем выпустить на волю, допросили как следует. Оказывается, копы тоже пьют кофе с шоколадом. В какой-то момент один из них сказал мне: «Хороший кофе», а второй ответил: «Чертовски хорош, нигде его не варят лучше, чем здесь. Нет ничего лучше горячей кружки кофе и шоколада. Это почти как секс». — «Моя жена говорит, что это лучше секса». — «Здесь должно было быть обидно». — «Нет, старик, я на девочек никогда не обижаюсь, обиды — это женские безделушки».

Я слушал и улыбался. В обычной жизни я не боец, но мое оружие всегда при мне, и в этом есть свое рациональное зерно. Знаете, что общего между кофе и деньгами? И те и другие хранятся в банке. Если я проснусь в банке и увижу кого-то, кто хочет его ограбить, вытащить меня из банки и бросить в ко-

фемолку, я выдам такой аромат, что мало не покажется.

Этим показалось мало, они заказали еще и спросили меня, чем я занимаюсь.

Чем-чем? Смысл моего существования довольно прост: научить людей общаться, в особенности мужчин и женщин. Всем известно, что они уже давно говорят на разных языках. Девушки гонят свое, мужчины о своем молчат. А если они и болтают о чем-то, то это никак не касается их самих. Как им начать понимать друг друга? Всю свою сознательную жизнь я пытаюсь разобраться в любви, в отношениях, в людях.

Копы переглянулись, им нужны были доказательства. Пришлось подбросить им несколько историй, взятых из жизни, чтобы они попытались взять след, потому что на самом деле история одна.

* * *

Так вот, однажды я уже долго стоял на столе, тем временем становилось прохладно. Терпение мое было переполнено и жутко хотелось отлить, а они все говорили и говорили, пороли всякую чушь. «Хватит болтать, я остываю, чуваки, зачем вы меня взяли?» Наконец, как мне показалось, самый главный из них, кото-

рый руководил действием, отхлебнул немного из чашки. Я проник к нему в голову. Это был режиссер. Он раздавал всем указания, он здесь был царь и бог, все ему подчинялись и слушали его внимательно, но не у всех получалось понять босса с первого раза, поэтому повторов было много. Со стороны любая сцена напоминала кусок обычной жизни, который ты пытаешься сделать идеальной, но люди неидеальны в отличие от предметов, каждый сам себе на уме. Он расставлял их и говорил им, что делать, выходило довольно искусственно. Так я узнал, что такое кино. Сегодня было особенно смешно, потому что играли постельную сцену, более того, я сам сыграл там небольшую роль, первую в своей жизни любовную роль. Но для актеров все это выходило не так забавно, как может показаться со стороны. Когда я смотрел эту сцену, а сценой была большая кованая кровать с двумя голыми телами, я невольно замирал на мысли: это и есть любовь? Эти двое, они испытывают удовольствие или нет, между ними есть какие-то чувства? У парня стоит или нет? Может, надо было заварить покрепче. Как он это делает? Как он себя сдерживает? На его месте мог бы оказаться любой. Стоило мне только подумать, как кофе подали в постель, и мне самому пришлось

примкнуть к этим двум, глядя из койки на мир, я вдруг осознал, что помимо нас троих на площадке еще пятьдесят человек. Вот, оказывается, где начинаются сложности, вот где надо включаться в игру и проявлять свой талант и не ударить в грязь лицом, когда все они пялятся на тебя, как на голого идола. Тыходишь в комнату, ложишься, и тут начинается: «Витя, возьми чашку с кофе, дай Еве! Нет, не так. Даже Адам сделал бы это лучше. Ева, возьми кофе, понюхай. Нет, не так, это же не носки, не просто понюхай, вдохни и пригуби. Ты любишь кофе? Придется полюбить. Так, теперь повернись немного, чтобы грудь было видно. Нет, больше ничего, только грудь. Смотри на кофе и, не поднимая головы, начинай говорить. Витя, а ты отвечай. Ты расслаблен, но в то же время суров. Ты же почти что «крестный отец».

Наконец, режиссер, у которого в голове только одно: «Дашу надо было брать на роль, с этой Евой любовое желание пропадет», отходит на безопасное расстояние и объявляет минутную готовность. Серьезный такой, с металлической бородкой и с сигаретой в зубах. Голос его тоже был металлический, как ему удается создавать такой серьезный вид на такой несерьезной сцене. Талант.

А текст сценария вообще заставил меня вздрогнуть. Сразу было понятно, что люди просто не умеют расслабляться, их голова забита другими вещами. Не голова, а склад забытых вещей.

— *О чем ты все время думаешь?*

— *Какой курс евро сейчас.*

— *Видимо, такой же высокий, как наши отношения,* — рассмеялась девушка.

— *Тебе не интересно?*

— *Не знаю, думаю, особо не изменился. Скачет туда-сюда. Весь в тебя.*

— *Тебе не понравилось, детка?*

— *Очень. Я ведь так сильно люблю тебя.*

— *Я знаю.*

— *А ты как меня любишь?*

— *Как обычно.*

— *Тебе что, трудно сказать?*

— *Как-то смешно.*

— *Что в этом смешного?*

— *Мы же не дети, чтобы постоянно признаваться в любви.*

— *Скажи по-взрослому. Артуро, у тебя кто-то есть? Признавайся.*

— *Есть. Дела.*

— *Не надо экономить на словах «Я тебя люблю».*

Чистосердечное признание смягчает участь.

— *Мою участь не смягчает даже постель.*

В общем, ничего приятного. И так десять дублей подряд. Я смотрел на голую девушку и остывал. Я хотел, чтобы мне и ей было приятно хоть на секунду. Но приятного было мало, то есть совсем. Мне всегда хотелось накинуть на девушку халат, но режиссер был непреклонен, на глазах у всех девушка неумолимо превращалась в женщину. Хорошо, что он хотя бы не забыл ее имя. А звали ее Ева. Ева всегда опаздывала, даже когда приходила вовремя, ей все равно казалось, что она опоздала. В голове ее был тот вчерашний парень, молоденький актер с большим будущим, который ехал к ней в метро, который по пути познакомился еще с одной девушкой. Еще бы — такой красавчик. Все свидание он смотрел на Еву, а думал о той, из метро. Так казалось Еве. Она слушала этого парня, запиная его милые подвиги кофе.

«Блин, если бы не та блондинка из метро, мы вполне могли бы пожениться. По крайней мере по дороге сюда я готова была на все. Но все ты мне так и не предложил. Как ты это можешь объяснить. Не можешь? Просто предлагаешь сходить в кино. Да я сама из кино!

Неужели ты этого еще не понял и променял меня на какую-то блондинку. Я не хочу в кино. Наигралась. Я же знаю, чем все это пахнет. Там в темноте твои руки будут блуждать по моему телу. Настойчивые ласкатели души. Ты будешь нежно трогать меня. По крайней мере, не попкорн. Попкорн я воспринимаю просто оскорблением. Я буду пялиться в экран, пытаюсь разобратся в сюжете сквозь плохую игру актеров, когда сюжета нет вовсе. Почему наши так и не научились снимать постельные сцены. Импотенты лучше сыграют. Тут даже кофе в постель не поможет. Как же мучительны эти усилия, но еще мучительнее на них смотреть.

Наконец режиссер кивнул серой бородкой в знак согласия со своим эго и громко крикнул: «Снято». Он был удовлетворен, все на площадке были удовлетворены, кроме главной героини, она выскользнула из постели и исчезла в примерке. Актрисам по долгу службы частенько приходилось выходить из постели неудовлетворенными. Она уже опаздывала, ей надо было еще успеть на вечерний спектакль с тем парнем, если, конечно, блондинка не воспользуется ее опозданием и не перехватит судьбу.

Инна

В кафе вечерело, столики не спеша заполнялись. В атмосфере медленно перемешивались прошлое, настоящее и будущее под аккомпанемент Сати. Волшебство его музыки заключалось в том, что она звучала как бы наоборот, против всех законов времени. Музыка Эрика Сати, написанная на стыке XIX и XX веков, звучала очень современно, она гладила, успокаивала и вводила в гипноз, обогащая любую беседу красноречием и нежностью.

Я всегда приходил вовремя, только однажды опоздал. Пришел, а девушка уже сидит, сидит в слезах, прямо посреди своей соленой лужи. Только две чашки кофе перед ней одной. Она взяла ту, что ближе, но, передумав, что самое обидное, поставила обратно, в этом и была главная ошибка, надо было сделать пару глотков, полегчало бы сразу. Я стал оглядываться, ну где же этот ангел, в котором она души не чаяла, воз-